

Толочко Александр Владимирович

РОССИЙСКАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ КОНЦА 1990-Х - НАЧАЛА 2000-Х ГГ.: МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ

Статья раскрывает основные тенденции формирования и развития российской многопартийности в период конца 1990-х - начала 2000-х гг. в контексте демократизации и складывания гражданского общества и его взаимодействия с государством как ключевым актором политического процесса в России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. I. С. 148-151. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по данному договору явилось следствием причинения вреда третьему лицу. Солидарная ответственность может иметь место в обязательстве с множественностью лиц. Каждый должник будет исполнять обязательство согласно ст. 321 ГК РФ в пределах своей доли [1, ст. 3301].

В статье 115 УЖТ РФ за владельцем инфраструктуры и перевозчиком необходимо закрепить полную ответственность по инфраструктурному обязательству в виде возмещения реального ущерба и упущенной выгоды, а в пункт 31 Правил внести обязательный претензионный порядок разрешения споров между ними. За нарушение принципа недискриминационного доступа перевозчиков к инфраструктуре на владельца инфраструктуры в Правилах целесообразно возложить ответственность в виде уплаты законной неустойки.

Список литературы

1. **Гражданский кодекс Российской Федерации:** Федеральный закон № 51–ФЗ от 30.11.1994: ред. 21.07.2005 // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗРФ). 1994. № 32.
2. **О железнодорожном транспорте в Российской Федерации:** Федеральный закон № 17–ФЗ от 10.01.2003 // Там же. 2003. № 2.
3. **Об утверждении Правил оказания услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования:** Постановление Правительства РФ № 703 от 20.11.2003 // Там же. № 47.
4. **Об утверждении прейскуранта № 10–01 «Тарифы на перевозки грузов и услуги инфраструктуры, выполняемые российскими железными дорогами»:** тарифное руководство № 1, части 1 и 2: Постановление ФЭК РФ № 47–т/5 от 17.06.2003: ред. от 19.06.2006: зарег-но в Минюсте РФ 09.07.2003 № 4882: с изм. и доп., вступившими в силу с 06.08.2006 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. № 30.
5. **Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации:** Федеральный закон № 18–ФЗ от 10.01.2003 // СЗРФ. 2003. № 2.

SOME FEATURES OF THE CONTRACT ABOUT THE RENDERING OF THE SERVICES ON PUBLIC RAILWAY TRANSPORT INFRASTRUCTURE USE

Elena Vladimirovna Tkachenko
Department of Civil-Legal Disciplines
Siberian State University of Communication Lines
tkachenko.e@mail.ru

The author considers the features of the legal nature, object, order of the conclusion and execution of the contract on public railway transport infrastructure use, reveals and presents the characteristic of an infrastructure owner and a carrier's legal status, shows the interaction between a forwarder-operator and a carrier and describes the civil-legal liability of the contract parties.

Key words and phrases: public railway transport infrastructure; infrastructure railroad service; infrastructure owner; carrier; service client; railway vehicles operator; inquiry message.

УДК 32

Статья раскрывает основные тенденции формирования и развития российской многопартийности в период конца 1990-х – начала 2000-х гг. в контексте демократизации и складывания гражданского общества и его взаимодействия с государством как ключевым актором политического процесса в России.

Ключевые слова и фразы: гражданское общество; государство; институт многопартийности; политический актор; политический дискурс.

Александр Владимирович Толочко
Кафедра философии
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
tolochko@rambler.ru

РОССИЙСКАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ КОНЦА 1990-Х – НАЧАЛА 2000-Х ГГ.: МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ[©]

Демократизация политического процесса означает увеличение роли такого политического актора как политические партии. Во многом это относится и к российскому опыту, когда демократизация политической жизни способствовала появлению института многопартийности как таковой. Вместе с тем, многопартийность в нестабильных системах является достаточно уязвимой и зависимой от установлений более

авторитетных акторов. В трансформирующихся (транзитивных) системах такими авторитетными акторами могут считаться, с одной стороны, государство, где ещё сильны инерции предельного доминирования в политическом дискурсе, а с другой стороны, гражданское общество, в интересах и видах которого реальная многопартийность представляется как наиболее чувствительный индикатор демократизации.

В статье автор рассуждает о том, как в конце 1990-х – начале 2000-х гг. российская многопартийность находилась в дрейфе между двумя полюсами притяжения: гражданским обществом, с его романтическими ожиданиями, и государством, тяготеющим к ограничению конкуренции и полному доминированию над субъектами политического процесса.

Развитие многопартийности в России в постсоветский период во многом было обусловлено состоянием дел в российской экономике. На российский политический спектр оказала влияние сложная экономическая ситуация. Образы российских политических партий выступали своеобразной рефлексией на экономическую конъюнктуру в России, в условиях формирования новых социальных страт. Именно они впоследствии и определяются со своими политическими притязаниями.

Опыт многопартийности в зарубежных политических системах свидетельствует, что предвыборные платформы политических партий обычно не содержат развернутых теоретических разработок. Они характеризуются прагматизмом и приверженностью к компромиссам. Как правило, в них идет речь о решении повседневных проблем конъюнктурного характера. Поэтому их позиции зачастую не отличаются идеологической четкостью. В них эклектически сочетаются элементы социал-демократизма, либерализма, консерватизма и т.д. с целью варьирования социальной базой.

Можно предвидеть, что в России программы и особенно предвыборные платформы различных партий будут также корректироваться в том же направлении. Правда, с учетом образовавшегося разрыва между бедными и богатыми, а также исторических традиций и менталитета народов страны содержание программ ведущих партий будет иметь, на наш взгляд, в большей мере элемент требований социальной справедливости [3]. Если в 1991 г., по данным ИСПИ РАН, такие представления имели 51% граждан России («богатые больше работают»), то в 2001 г. таковых осталось лишь 11%. Двадцать лет назад 75% опрошиваемых отвечали, что «богатые — самые умные люди». В начале 2000-х гг. этого мнения придерживались только 18%. Иначе стал выглядеть и вовсе негативный вердикт. «Богатые — самые нечестные люди», — так в 1991 г. считали 38% сограждан, а 10 лет спустя — уже 87% [4].

Институционализация многопартийности, происходившая в условиях, когда большинство россиян обладало низкой степенью экономической свободы, привела к росту популярности левых политических партий (КПРФ, АПР). Вместе с тем, приоритеты избирателей оказываются и на стороне других ценностей. Во время избирательных кампаний в Государственную Думу и Президента РФ (1999-2000 гг.) и особенно в 2003 г. о своей приверженности к таким ценностям, как порядок, патриотизм, справедливость, нравственность, духовность, гуманизм публично заявляли уже многие партии, в том числе и правые («Яблоко», СПС).

Изменение ценностных ориентаций было заметно и на примере политических проектов, отношение к которым имел российский правящий класс. Политическая программа «Выбора России» базировалась исключительно на либеральных ценностях: приоритете личности перед государством, свободном рынке и ценах, уходе государства из экономики, ставка на повсеместное утверждение частной собственности [1].

Пришедшая ей на смену другая партия власти — «Наш дом — Россия» — уже тяготела к центристской позиции, хотя и с уклоном преимущественно к либеральным ценностям. У очередной партии власти под названием «Единство», а затем «Единая Россия» в основе идеологии лежали не столько либеральные, сколько державно-патриотические ценности. Это дало повод лидерам КПРФ заявить в своих документах о том, что правящая власть взяла курс на перехват ее популярных в народе лозунгов.

На формирование многопартийности в постсоветский период влиял и многонациональный состав российского государства. Хотя с распадом СССР в рамках России удельный вес русских возрос с 56% до 84%, тем не менее, число других народов, за счет традиционно живущих на территории РФ и сформировавшихся национальных диаспор из числа выходцев бывших союзных республик, составляет более 170. Довольно высокий процент титульного населения вызвал к жизни некоторые партийные проекты националистического толка. В качестве примеров можно привести Российское национальное единство (РНЕ) и «Спас». Были случаи появления партийного проекта на противопоставлении культурных особенностей титульной нации (религиозная компонента) (Мусульманская партия России) и создания партий, имевших исключительно региональную социальную базу поддержки («За родной Урал»).

Восприятие необходимости развития и совершенствования многопартийности в России было двояким. И если с одной стороны находились апологеты, заинтересованные в институционализации многопартийности, то с другой стороны, наоборот, поступало много критики и сомнений ввиду трудной экономической ситуации. Аргументы против возникали, преимущественно, вокруг темы расходов на содержание партий, возрастающих расходов на подготовку и проведение выборов.

Институционализация российской многопартийности происходит и с учётом некоторых ограничений. Некоторые политические проекты не могут приобрести статус политических партий ввиду ряда позиций. Государство здесь чётко справляется с задачей регламентации политического партийного дискурса, не оставляя шансов на политическую легитимацию некоторым проектам, несмотря на существование у них вполне определённой социальной базы.

Многопартийность находится одновременно в фокусе интересов двух ключевых политических акторов. С одной стороны, – это гражданское общество, с другой, – государство, призванное регулировать и нормировать появляющиеся институты внутри политической системы. Следует отметить, что объективации многопартийности не могут быть безграничны, что рано или поздно развитие многопартийности будет удержано многочисленными фильтрами, созданными государством, заинтересованным в сохранении легитимности строя.

В этом смысле вопросы, связанные с функционированием многопартийности, являлись исключительно актуальными для России конца 1990-х – начала 2000-х гг. Но если система многопартийности как выражение демократии многих западных государств проходила длительную эволюцию и апробацию, то России пришлось осваивать данные политические механизмы буквально за считанные годы.

Разумеется, возможности оказания влияния на развитие многопартийности в России у гражданского общества и государства не являются равными. Государство как ключевой политической актор обладает несомненным преимуществом изначально, что и определяет дальнейшие векторы развития как процесса демократизации, так и образов многопартийности. Государство самостоятельно формулирует «правила игры», которые зачастую могут быть не в интересах романтически настроенного гражданского общества.

Как однажды отметил В. Зоркальцев, возросшая контролирующая роль «чиновничества» приводит к ситуации, когда «прокуратура, Минюст вправе вести надзор за партиями. Причем карающий» [2]. На наш взгляд, предоставленное госчиновникам право надзора над партиями — начало их огосударствления. Серьёзной проблемой зарегистрированных политических партий являлась императивность их участия во всех выборах и необходимость четкого соблюдения соответствующей пропорциональной представительности кандидатов в депутаты: в муниципальных выборах — не менее в половине субъектах РФ, в региональных — до 20% субъектов РФ, в Государственную Думу РФ — не менее в 10% субъектах РФ. Они обязательно должны были выдвигать своего кандидата в Президенты РФ. В случае несоблюдения одного из этих положений партию ждала ликвидация по суду. В таких условиях вся их энергия, организационный, кадровый, материальный и идеологический ресурс уходил на подготовку от одних выборов к другим.

Бюрократизация и огосударствление, а также коррупция в партиях были причинами дискредитации выборов на многопартийной основе вплоть до их бойкота. Этот процесс усугублялся участвовавшими практиками скупки голосов избирателей состоятельными кандидатами в депутаты, что ударяло по имиджу политических партий.

Вот почему желающих проголосовать «против всех» либо не приходило вообще на избирательный участок становилось все больше. Выборы в Москве (декабрь 2001 г.), Краснодаре и Красноярском крае (2002 г.), Санкт-Петербурге (сентябрь-октябрь 2003 г.), выборы в Государственную Думу РФ усилили данную тенденцию. Впервые в стране на выборах, например, в Москве был зафиксирован высокий процент избирателей, голосовавших против всех (11%), а на отдельных избирательных участках он достигал 18-19%. 7 декабря 2003 г. на выборах в Государственную Думу РФ усилились такого рода тенденции. В 1999 г. на выборы пришлось 67% избирателей, а в 2003 г. — 52%. Подобное повторилось и на выборах Президента РФ в марте 2004 г.

Государственная опека партий и партийная монополия на право выдвижения кандидатов в органы власти привели фактически к исчезновению многопартийной системы. Через некоторое время графа «против всех» исчезла из избирательных бюллетеней, что, на наш взгляд, подтвердило дрейфующий характер российской многопартийности. Тенденции снижения популярности института выборов как таковых привели и к отмене порога явки, что также подтверждало непопулярность института выборов, наряду со снижением доверия к российской многопартийности.

Таким образом, во время президентства В. В. Путина происходит оформление и закрепление законодательной базы регулирования и функционирования деятельности политических партий в РФ. Следует отметить, что Российская законодательная база, в отличие от европейских государств, прошла достаточно длительный путь развития (более 10-ти лет). Окончательно оформившись, она претерпела ряд изменений. Необходимо отметить, что модификации не произошли в пользу политического актора – гражданского общества, а, скорее, наоборот, продемонстрировали стремление государства завладеть инициативой. Новое законодательство содержало ряд проблемных, спорных положений, которые порождали такие противоречия, как возрастание бюрократии в партийном руководстве, императивность участия партий во всех выборах и необходимость четкого соблюдения соответствующей пропорциональной представительности кандидатов в депутаты, а также жесткая регламентация организационного строительства и функционирования внутрипартийной жизни партии.

На наш взгляд, дрейфующий характер российской многопартийности сохраняется вплоть до настоящего времени, оставаясь своеобразной проблемой и президентства Д. А. Медведева, при котором отмечаются некоторые попытки либерализации «правил игры» в российскую многопартийность.

Список литературы

1. Гайдар Е. Т. Беседы с избирателями. М.: Евразия, 1995. 63 с.
2. Никифорова В. Не стал бы закон о партиях лебединой песней для партий // Правда. 2001. 5 февраля.
3. О политических партиях РФ: Федеральный закон № 95 от 11 июля 2001 г. // Российская газета. 2001. 14 июля.
4. Трушков В. Капитал, его препохабие // Правда России. 2002. 16 января.

**RUSSIAN MULTI-PARTY SYSTEM OF THE END OF THE 1990S – THE BEGINNING OF THE 2000S:
BETWEEN CIVIL SOCIETY AND STATE**

Aleksandr Vladimirovich Tolochko
Department of Philosophy
Elets State University named after I. A. Bunin
tolochko@rambler.ru

The author reveals the basic tendencies of the Russian multi-party system formation and development during the end of the 1990s – the beginning of the 2000s in the context of democratization and civil society formation and its interaction with state as the key actor of political process in Russia.

Key words and phrases: civil society; state; multi-party system institution; political actor; political discourse.

УДК 14:(00+62)

Статья раскрывает радикальные сдвиги, произошедшие в науке и мировоззрении XX века: от механистического мировоззрения Декарта и Ньютона к новой экологической парадигме. Основное внимание в работе авторы акцентируют на синергетических аспектах экологобезопасного развития человечества в контексте глубинной этики.

Ключевые слова и фразы: экологическое мировоззрение; парадигма; концепция устойчивого развития; синергетика; теория самоорганизации.

Елена Владимировна Трухановская
Наталья Зиновьевна Алиева, д. филос. н., доцент
Кафедра «Физика»
Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса
alinat1@yandex.ru

НА ПУТИ К НОВОМУ ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ МИРОВОЗЗРЕНИЮ[©]

Начало XXI века характеризуется целым рядом глобальных проблем, в том числе, глобальным экологическим кризисом, в результате которого могут возникнуть необратимые процессы биосферы и всего человечества. Сообщества ученых и политиков выражают озабоченность состоянием современного мира. В их работах прослеживаются основные проблемы экологии и пути их решения. Главное убеждение состоит в том, что экологические проблемы глобальны, системны, взаимосвязаны и взаимозависимы. Их нельзя осмыслить и решить по одной и в отдельно взятой стране и регионе. Они - проявления единого системного кризиса, в котором завязаны все сферы: природная, социальная, антропологическая и др. Но существует мнение, что основа всего кризиса состоит, прежде всего, в наших представлениях, в нашем устаревшем мировоззрении, мировосприятии, а соответственно, и мироустройстве нашего глобального, нестабильного, небезопасного и такого прекрасного мира. Более того, этот кризис охватывает мировоззрение не только одного человека, но и целых социальных институтов, определяющих политику развития государств, представляющую только собственные интересы.

По мнению известного ученого-физика Фридьёфа Капры, занимающегося проблемой экологобезопасного развития человечества, «решения основных проблем нашего времени существуют, некоторые из них даже элементарно просты. Однако они требуют радикального сдвига в наших представлениях, в мышлении, в системе наших ценностей. Мы стоим на пороге фундаментальных перемен в научном и социальном мировоззрении, смены парадигм, по своей радикальности сравнимой с революцией Коперника» [4, с. 336]. Международное сообщество в настоящее время панацеей от всех бед человечества приняло модель устойчивого (sustainable) развития. Эта позиция состоит в том, что только устойчивые решения, только устойчивые сообщества, только устойчивые культурные и социальные среды жизнеспособны. В концепции экологического развития понятие устойчивости стало ключевым. По определению Лестера Брауна, «устойчивое общество – это общество, которое удовлетворяет свои потребности, не ущемляя перспектив последующих поколений». Термин «устойчивое развитие» до сих пор вызывает много обсуждений и споров. Многие считают его неудачным из-за русского перевода. Но есть и другая, более серьезная причина споров об устойчивости развития, которая заложена в осознании нелинейности переходного периода, в котором находится современный мир [1, с. 291; 2, с. 12-20].

Ученому и любому человеку, знакомому с достижениями современной постнеклассической науки, суть которой представляет теория самоорганизации, известно, что развитие происходит через неустойчивые состояния, что порядок возникает из динамического хаоса. Устойчивое состояние присуще, в основном, замкнутым системам. Такие системы есть в природе, но их меньшинство. Понятия неустойчивости, нелинейности,